

Глава XII

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР Апрельский Пленум ЦК КПСС и борьба в руководстве КПСС в 1985 г.

...некоторые люди, по нашей терминологии, — пассионарии, совершают, и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения.

Л.Гумилев

Борьба за власть продолжалась. Горбачев стремился показать, что он не просто «первый среди равных»: «Через несколько дней после похорон Черненко мы собрались на первое — теперь уже официально горбачевское! — Политбюро. Он и вел его по-хозяйски, весомо говорил о самых перво-степенных для страны задачах», — вспоминает Н.Рыжков¹. Однако одними речами утвердить свою власть было невозможно. Необходимо было изменить соотношение сил в Политбюро, покончить с «коллективным руководством». Для этого нужен был новый Пленум ЦК.

1. Вулкан энергии

По справедливому замечанию А.Брауна, «совершенно ясно, что Горбачев не пришел к руководству с полным отгиском экономических и политических реформ». Но «одной из его наиболее важных характеристик было относительно открытое сознание». Горбачев был готов слушать советы, постепенно менять штампы своего мировоззрения. Он был открыт для формирования программы реформ, и, что особенно важно для рассматриваемого периода, он начал с «изменения стиля»².

Психологически именно в это время Горбачев достиг своей максимальной «пассионарности» — фаза «человека идейного» в его фрактальном развитии вошла в «идейную» стадию. Эта «идейность в квадрате» в свою очередь резонировала с базовыми психологическими чертами реформатора. Это был его звездный час.

С самого начала своего правления Горбачев развернул кипучую работу. О впечатлении, которое он производил в первые месяцы своего правления,

рассказывает его охранник В.Медведев, настроенный по отношению к Горбачеву в целом отрицательно: «Первое время личность Михаила Сергеевича вызывала восхищение. После многих лет болезней и полусонного состояния Брежнева вдруг — вулкан энергии. Работа — до часу, двух ночи, а когда готовились какие-нибудь документы (а их было бесконечное множество — к сессиям, съездам, пленумам, совещаниям, встречам на высшем уровне и т.д.), он ложился спать в четвертом часу утра, а вставал всегда в семь-восемь. Туалет, бассейн, завтрак. Где-то в 9.15—9.30 выезжает на работу в Кремль. Машина — “ЗИЛ”. Он садится на заднее правое сиденье и — рабочий день начался. Тут же в машине он что-то делает, читает, делает пометки. Впереди — водитель и я... За сравнительно короткий путь до работы он успевает переговорить (по телефону — *А.Ш.*) с тремя-четырьмя людьми.

Пока поднимается от подъезда в кабинет, на ходу кому-то что-то поручает, советует, сообщает — ни секунды передышки... На ходу, на лету он давал конкретные, четкие советы — военным, гражданским: с кем и о чем говорить, на что обратить особое внимание, на чем настаивать, на чем — не обязательно, кому передать привет и т.д. Говорил коротко и точно»³.

Рабочие записи Горбачева дают представление о вопросах, которые ему приходилось решать в первый месяц руководства.

«27 марта 1985 года: 1. Качество. 2. Бой пьянству. 3. Малообеспеченная часть населения. 4. Земля под сады и огороды. 5. Медицина». Пометки о беседе с редактором «Литературной газеты» А.Чаковским: «1. Аппарат Старой площади отторгает установку руководства на приведение пропаганды в соответствие с новыми задачами (намек на Зимянина и Стукалина). Все отделы ЦК, связанные с идеологией, надо объединить в один. 2. Нужна перестройка телевидения: идет борьба фактов, и мы эту борьбу проигрываем. “Правда” должна идти в ногу. Пропаганда марксизма ведется скучно, молодежь теряет к нему интерес. 3. Необходимо научное и объективное изучение истории: надо в ней разобраться, в том числе и в нашей новейшей истории. 4. Если мы хотим, чтобы новая политика получила поддержку, надо восстановить веру в социалистические идеалы. 5. О делах литературных: ползучая групповщина в литературе и творческой среде», идеализация прошлого. Нужна поддержка тем, кто стоит на четких позициях. Большая литература должна идти в ногу с новыми задачами. 6. Не надо запугивать советский народ американским оружием»⁴. Стремление к «объективному изучению истории» не означало еще готовности к десталинизации. 4 апреля 1985 г. Горбачев говорил на Политбюро: «...не секрет, когда Хрущев довел критику действий Сталина до невероятных размеров, это принесло только ущерб, после которого мы до сих пор в какой-то мере не можем собрать черепки»⁵. В беседе с академиком Ю.Б.Харитоновым Горбачев обращал внимание на следующие вопросы: «1. О проведении экспериментов, связанных с ядерной накачкой для получения лазерного излучения. 2. Об изучении ЭМИ (электромагнитные излучения), их возможного влияния на системы управления ракетами. 4. О срочном оснащении Центра быстродействующей вычислительной техникой»⁶. Как видим, Горбачев хорошо представлял себе первые шаги, которые следует предпринять (они и будут осуществлены в

течение 1985 г.), но совершенно не видел их возможных последствий. Это касается и кампании по борьбе с пьянством, и необходимости разобраться в отечественной новейшей истории и тем самым восстановить веру в социалистические идеалы, и попыток обеспечить научный прорыв к звездному оружию.

«Даже эта часть пометок показывает, какая на меня обрушилась лавина проблем, — вспоминает Горбачев. — Я уже начал опасаться, что выработка общей политики будет отодвинута куда-то на задний план, а Генсеку придется дено и ночью выслушивать информацию и принимать оперативные решения — кому строить метро, как осуществить мелиорацию в регионе, где приобрести вычислительную технику и т.д. Между тем надо было безотлагательно заняться программой, которая остановила бы сползание страны к кризису, открыла ей перспективу»⁷.

Первые выступления Горбачева в новом качестве продолжают андроповскую линию на «наведение порядка», интенсификацию и «ускорение»⁸. При этом за критикой частных недостатков уже проступает выступление против всего хозяйственного механизма СССР: «Почему так получается: предприятие выпускает устаревшую продукцию низкого технического уровня, товары народного потребления, не пользующиеся спросом, а живет нормально и порой даже процветает? Как такое положение поправить, причем максимально быстро?»⁹

Ответ на этот сакраментальный для марксистско-ленинской идеологии вопрос Горбачев видел во взаимосвязи материального положения работников и качества продукции предприятия. Однако конкретного механизма такой взаимосвязи и тем более слова «рынок» пока в речах Генсека еще нет. Пока Горбачев ссылается на андроповский «эксперимент» и осторожное расширение прав предприятий, внедрение «подлинного» хозяйственного расчета.

Но на этом Генсек не останавливался. Склоняясь к югославской «ереси», Горбачев выступил за «формирование начал самоуправления» на производстве¹⁰. Вовлечение производителей в процесс принятия решений должно, по мысли реформатора, помочь в поиске внутренних резервов. Однако этот поиск по-прежнему преследует целью интенсифицировать эксплуатацию труда работников. Недаром Горбачев упомянул о «более полном использовании рабочего времени, всего светового дня»¹¹. Вскоре эта идея реализуется — на предприятиях будет установлен двусменный и даже трехсменный режим работы.

Горбачев предполагает развязать руки директорам для такой интенсификации, ослабить мелочный контроль из центра: «Нельзя тянуть решение любого вопроса в центр. Уровень наших хозяйственных кадров вполне позволяет многие проблемы решать на месте. Надо только снять с них путы плохих и лишних инструкций, решительно уменьшить отчетность, освободить от бумажного круговорота, что одновременно будет способствовать сокращению управленческого аппарата. Это касается и министерств, и все-союзных промышленных объединений»¹².

Антиведомственный пафос Горбачева был поддержан в выступлениях директоров, что позволило Генсеку в заключительном слове обрушиться на производственные объединения и другие ведомственные структуры. Однако о самоуправлении он предпочел на этой встрече больше не упоминать — директора не могли с воодушевлением отнестись к этой затее, способной подорвать их позиции на производстве как раз в тот момент, когда готовится ослабление ведомственного контроля.

Готовясь к Пленуму, Горбачев решил «посоветоваться» с производственными руководителями и «народом». Подобные совещания не только предоставляли возможность «обкатать» основные положения нового курса, но и сами служили дополнительным аргументом в закулисных дискуссиях. Поскольку выступления на подобных встречах не могли противоречить положениям выступлений Генерального, он всегда мог утверждать, что народ поддерживает его позицию. Но в то же время и явление Горбачева народу вызвало настоящий фурор.

В середине апреля Государь внезапно появился в Пролетарском районе Москвы, повергнув своих подданных в шок. Впервые на их памяти высший руководитель государства оказался в толпе народа. Конечно, такие визиты были неожиданностью только для простых людей — городское начальство к ним готовилось. Вспоминает В.Болдин: «М.С.Горбачев рассказал о своем намерении В.В.Гришину, в ту пору секретарю Московского городского комитета партии. Естественно, к приезду Генсека все было готово. И если на заводе трудно что-либо изменить за несколько дней, то в больнице были разительные перемены по сравнению с тем, что я видел прежде. Тротуары, дорожки и подъездная часть дороги у больницы были заново асфальтированы и еще источали горячие запахи гудрона. На том этаже, где мы были, больным запретили выходить из палат в коридор. В те две или три палаты, куда Генсеку предложено было зайти, как мне позже сказали люди из его охраны, лежали офицеры службы безопасности, этикие краснощекие коротко стриженные молодцы, которые тепло отзывались о медперсонале, харчах и затруднились дать четкий ответ только по поводу своих болезней. В этом они путались, от чего врачи бледнели, не зная, чем все это кончится.

Потемкинские деревни нам показывали кое-где еще, в частности пригласив “в первую попавшуюся” квартиру новосела, “рядового рабочего”, у которого “случайно” нашлись великолепные закуски, конфеты, печенье и прочее, по многим атрибутам выдававшее их происхождение из спецщехов, поставляющих продукцию службе охраны...

Но дело было не в маленьких хитростях, а в том, что М.С.Горбачев, наверняка чувствуя большие и малые подлоги, принял эту игру, позволил корреспондентам заснять ложь, согласился играть в этом спектакле. Вскоре, возвращаясь после одной из поездок Генсека по стране, я в самолете вспомнил эту историю и рассказал в присутствии М.С.Горбачева Раисе Максимовне об этом злополучном визите в Москве... Но реакция Раисы Максимовны была неожиданной:

— А что вы хотели? Разве когда вы приглашаете гостей, не убираетесь в квартире и не достаете все лучшее?

Тут трудно что-либо возразить, — комментирует В.Болдин. — Я действительно убирался в квартире, если ждал гостей. Но у меня бывали не те гости, да и квартира — не больница или иное государственное учреждение. Речь шла о политическом визите, а не о встрече “за рюмкой чая” старых друзей. Конечно, мне хотелось сказать и о том, что Генсек не гость, а скорее хозяин, руководитель страны. Но я ничего не сказал...»¹³ Диалог помощника и супруги Генсека как раз и показывает, что в ходе визитов 1985 г. Горбачев вел себя именно не как гость, а как хозяин. Не его приглашали в гости, а он радушно распахивал дверь перед своими подданными, демонстрируя им с экрана телевизора аккуратно прибранную реальность, в которой партия встречалась с народом через своего главу на фоне свежееасфальтированных дорожек.

И пропагандистское «хождение в народ» удалось. Эти встречи, передававшиеся по телевидению, вызвали взрыв энтузиазма у значительной части населения. Даже в диссидентских кругах возникли надежды, которым суждено было оправдаться лишь полтора года спустя. А.Сахаров заметил тогда: «Похоже, это удача для нашей страны. Мы получили интеллигентного лидера»¹⁴. Беспрецедентный «демократизм» Горбачева, его относительная молодость и намеки на решительные преобразования в речах — все это привело к быстрому росту популярности нового Генерального секретаря. Государь позволял себе не только улыбаться, но даже и шутить: «Оказалось, что сейчас одна из самых больших очередей в детские учреждения в Пролетарском районе. Это хороший признак... Пролетарцы и тут подают пример, как надо решать этот важнейший вопрос»¹⁵. Остроумно объяснив недостатки социальной политики сексуальной активностью слушателей, Горбачев в то же время показал, что руководство в курсе проблем и готово к их решению. Живое лицо нового Генсека настолько резко контрастировало с масками его предшественников, что уже само по себе вселяло уверенность в близость преобразований. Сам Горбачев всячески поддерживал это ощущение. Выступая перед работниками Завода им. Лихачева, он заявил, что XXVII съезд партии станет важной вехой в развитии страны.

Однако подобные авансы сочетались с продолжением андроповской линии на «укрепление дисциплины». Дополнительные резервы следовало изыскивать не за счет социальной элиты: «Жаловаться не на кого, товарищи, надо спрашивать друг с друга», — отмечает Горбачев¹⁶. Заходя иногда довольно далеко в описании пороков хозяйственного механизма, Генсек не забывал повторять: «Мы знаем эти болезни, знаем и рецепты лечения. Надо подтягивать дисциплину в широком плане... Надо, чтобы все у нас усвоили, что это не кампания, что мы вступили сейчас в такой этап перестройки всей нашей жизни, когда без высокой дисциплины, без высокой ответственности, без творческой работы, без сознательного отношения к порученному делу ничего нельзя добиться»¹⁷. Пуская в оборот еще незаметное слово «перестройка», Горбачев связывает его пока прежде всего с дисциплиной и сознательностью, укрепляя свои тылы со стороны андроповцев-пуристан, нетерпимых к идеологическому ревизионизму.

Те же андроповские мотивы ловит Генсек и в репликах людей в толпе: «Мне вспоминается примечательная встреча с трудящимися в Пролетарском районе столицы. В конце интересной и откровенной беседы с москвичами, которая состоялась на улице около универсама (во время таких бесед говорил преимущественно сам Горбачев — *А.Ш.*): что вы пожелали бы ЦК КПСС, советскому правительству, какой наказ дадите? И вот что я услышал: “Михаил Сергеевич, надо в стране наводить порядок и продолжать борьбу за мир”»¹⁸.

Впервые за десятилетия люди видели на вершине государственного Олимпа живого и относительно культурного человека. Популярность Генсека быстро росла. «Бесспорно, немалую роль сыграла его харизматическая внешность, — пишет помощник Горбачева Г.Шахназаров, — умное, улыбочивое лицо с правильными чертами, необычайно выразительные глаза (за пять лет общения мне приходилось видеть Михаила Сергеевича усталым, невыспавшимся, больным, но никогда взгляд его не был потухшим), родимое пятно на лбу как впечатляющий знак избранности; ладная, чуть полноватая, но подтянутая фигура; уверенная манера держаться; открытость и доброжелательность в сочетании со строгостью и властным видом... К тому же несколькими хорошо рассчитанными шагами он с самого начала показал себя лидером, близким простому народу (поездки в Ленинград, Киев, на московские заводы и в подмосковные колхозы, на Дальний Восток, Север, Урал, в родные южные края, в некоторые республики)»¹⁹. «Люди не привыкли к вождям, которые запросто появляются на улице, могут легко и долго говорить без бумажки, демократичны и доступны, внятно выговаривают все слова. Горбачев стал любимцем народа», — пишет Н.Рыжков²⁰.

Сам Горбачев вспоминает о своих ощущениях того времени: «Правда, поначалу людей было нелегко разговорить. Побаивались, скрытничали. А в большинстве — я это чувствовал, выдавали глаза — просто не очень верили в серьезность наших намерений. Сколько раз слышали громогласные заверения и обещания, а в жизни мало что менялось.

На лицах моих собеседников буквально можно было прочесть: “Хорошо говоришь, да разве дадут тебе что-то сделать. Попрыгаешь год-другой, а там — махнешь рукой и начнешь вешать себе на грудь золотые звезды. Все это мы уже проходили”...

И сейчас перед глазами встреча в Уренгое: на улицы вышли все жители города. Люди довольны, что к ним наконец приехал “главный” — разговор прямой, беспощадный. «Как же так, живем в “балках” или железнодорожных вагончиках! Всего не хватает. Здесь, за Полярным кругом, не можем добиться регулярных рейсов самолетов, связи со столицей, другими городами! Газ нужен Союзу, Европе, а мы, выходит, никому не нужны?»²¹ В аварийном порядке стали предприниматься меры. Но попытка Генсека работать в режиме древнерусского князя, объезжающего свои владения и наводящего там порядок, была обречена на неудачу — слишком много было «волостей».

Уже в первые поездки Генсека по стране стала проявляться одна особенность, которая впоследствии будет дорого стоить его репутации — это

нетрадиционное для СССР место супруги руководителя: «Раиса Максимовна хорошо и модно одевалась, — рассказывает В.Болдин о поездке Горбачева в Тюмень. — Вещи ее в ту пору были сшиты и куплены за границей, и выглядела она, украшенная оригинальными драгоценностями, весьма импозантно. Однако этого рабочие, все жители Тюмени, особенно женщины, тогда не поняли»²². Но пока на фоне общего энтузиазма раздражение роскошными нарядами Государыни еще не было столь уж заметно. Народ продолжал ликовать: огромные толпы народа вышли на улицы и при первой остановке так плотно окружали машины, что пробиться к Генсеку было невозможно... В Сургуте, Ямбурге массы народа радостно и громогласно приветствовали Генсека».

Популярность в народе имела для Горбачева большое значение. Возможно, уже тогда он готовился к новым правилам игры, когда не только партийная элита, но и избиратель будет влиять на состав руководства страны. «Была у него еще одна привлекательная черта, — вспоминает его охранник В.Медведев.

— Он запрещал расчищать, освобождать для себя трассу... Горбачев при виде пустой трассы устраивал нам разнос... Волновало его не то, что создаются транспортные неудобства для всех остальных, а народная молва о нем:

— Вы ж в какое положение меня перед людьми ставите»²³.

Хотя в отношениях с прислугой Горбачев мог быть очень груб, хотя даже старших по возрасту людей он называл на «ты», «с народом» Генсек старался вести себя максимально «демократично». Иногда он выходил «в народ» незапланированно. «Из кабинета Горбачева в ЦК на Старой площади, — продолжает В.Медведев, — мы направлялись в другой его кабинет — кремлевский. Иногда часть пути шли пешком. Люди, узнав Генерального, перешептывались, чаще всего слышалось за спиной наше, российское:

— О... мать твою, смотри, Горбачев пошел!

Кто-то автоматически здоровается, как со знакомым:

— Здравсьте.

Он улыбается в ответ:

— Здравствуйте!..

На Ивановской площади в Кремле встречаем группу людей...

— Ну, что вы хотите мне сказать? — бодро спрашивает Михаил Сергеевич.

Какая-нибудь одна посмелее всегда найдется:

— Желаем здоровья Вам...

На заводах и фабриках, на улицах и площадях люди иногда говорили то, что думали: нет детской одежды, обуви, продуктов питания. Горбачев указывал на местного секретаря обкома партии:

— Вот, обращайтесь к нему.

Разворачивался и уходил»²⁴.

Так Горбачев приучал общественное мнение к тому, что во всем виноваты партийные комитеты, готовился перенести огонь на среднее партийное звено, которое пока не давало ему развернуть более решительные преобразования, о необходимости которых столько говорилось с партийных трибун.